

УДК: 159.9:343.9

И. Е. Харченко, студент

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики,
Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина

ДУХОВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье рассмотрены вопросы взаимодействия психологического состояния сознания человека в зависимости от его внутреннего нравственного совершенства и социально-групповой принадлежности как фактора самоограничения преступной деятельности.

Ключевые слова: грех, деиндивидуализация личности, сознание, личность, нравственность, подсознание, правосознание, преступность.

В последнее время в связи с кризисом, безработицей и ростом преступности учёные-правоведы разных специализаций заинтересовались нетрадиционными возможностями предупреждения совершения преступной деятельности.

Их внимание привлекло то обстоятельство, что на протяжении тысячелетий одним из самых главных барьеров на пути совершения преступлений являлась вера, потому и в данный момент не стоило бы пренебрегать возможностью использования ресурсов веры в предотвращении преступлений.

Изучая Библию и уголовное право, можно прийти к выводу, что всякое деяние, рассматриваемое действующим уголовным законодательством как противоправное, общественно опасное, виновное и наказуемое преступление есть преступление в формальном смысле [1, ст. 11], а всякое преступление в формально юридическом смысле есть грех в смысле духовно-нравственном [2, 111]. То есть грех, в духовно-нравственном понимании, является более обширным понятием и полностью включает в себя понятие преступления в уголовном праве.

Учёные-психологи, в свою очередь, доказали тот факт, что человеку, для того чтобы справиться с огромной массой информации, доступной ему каждый момент, учитывая ограниченность внимания и времени, необходимы когнитивные стратегии, которые приводили бы к эффективным решениям даже в том случае, когда у человека не достаточно ментальных ресурсов для полноценного, “рационального” обдумывания, и которые освобождали бы дефицитные ментальные ресурсы для решения других важных задач [3, 102]. Иначе говоря, человеку необходимо иметь в запасе “простые” способы понимания мира, простые стратегии, которые смогут помочь ему вырабатывать достаточно здравые суждения, затрачивая при этом минимальное количество умственных усилий.

В прошлом году группа учёных, использовавшая в своих исследованиях магниторезонансный томограф, опубликовала в журнале “Nature Neuroscience” сенсационное открытие. Исследователи смогли предсказать выбор людей за семь секунд до того, как испытуемые принимали решение. По мнению одного из авторов данного исследования, невролога института Макса Планка, Джона-Дилана Хейнса, к тому времени, когда сознание включается, большая часть работы мозга уже сделана. Эти исследования, в свою очередь, подтвердили и теорию Бенджамина Либега, согласно которой подсознательная деятельность предшествует и определяет сознательный выбор [4, 3].

группового вандализма, оргии, воровства и даже до разрушительных социальных взрывов, таких как полицейская жестокость, уличные беспорядки, линчевание и другие. В определенных ситуациях люди, являющиеся членами группы, склонны к тому, чтобы, отбросив нормальные ограничения, утратив чувство индивидуальной ответственности, ощутить то, что Леон Фестингер, Альберт Пепитоун и Теодор Ньюкомб (Leon Festinger, Albert Pepitone & Theodore Newcomb, 1952) назвали деиндивидуализацией, [8, 369], то есть состоянием анонимности, возникающим у членов группы в процессе совместной деятельности [9, 227]. Очевидно, в ситуации анонимности человек в меньшей степени отдает себе отчет в своих действиях и становится более восприимчивым по отношению к ситуационным намекам, как негативным, так и позитивным [8, 372].

В отличие от деиндивидуализации, самосознание, то есть сознание субъектом самого себя в отличие от иного — других субъектов и мира вообще позволяет осознать человеку свой общественный статус и свои жизненно важные потребности, мысли, чувства, мотивы, переживания, действия [10, 538].

Самосознание и деиндивидуализацию можно рассматривать как две грани одного единого целого, то есть в случае повышения у конкретного человека самоосознания, к примеру, в случае нахождения его перед зеркалом или телекамерой, при котором отмечается с его стороны демонстрация повышенного самоконтроля, его действия более непосредственно отражают установки, кроме того, он менее склонен к обману (Beaman & others, 1979; Diener & Wallbom, 1976). То же самое верно и для тех, кто в общем обладает сильным ощущением собственной индивидуальности и независимости (Nadler & others, 1982). Люди, которым свойственно повышенное самосознание или у которых его вызвали, независимо от метода, проявляют большее соответствие между своими высказываниями о ситуации и своими действиями в ней. Они также становятся более вдумчивыми и поэтому менее уязвимы для призывов, которые противоречат их системе ценностей (Hutton & Vaumeister, 1992).

Обстоятельства, понижающие самосознание, такие как алкогольное опьянение, соответственно, повышают деиндивидуализацию (Hull & others, 1983). Деиндивидуализация, наоборот, снижается в обстоятельствах, повышающих самосознание: перед зеркалами и камерами, в маленьких поселках, на ярком свете, при ношении именных табличек или нестандартной одежды, при отсутствии отвлекающих внимание стимулов, в необычной обстановке и др. (Ickes & others, 1978) [8, 374].

Комментируя Священное Писание, в своих сочинениях святитель Иннокентий Херсонский неоднократно указывает на такие свойства Божества, как всеведение и вездеприсутствие [7, 29]. Данные свойства позволяют рассмотреть значение духовной нравственности как одного из важнейших факторов, препятствующих совершению преступлений, с позиции глубокого осознания верующими людьми факта присутствия Божия везде и всегда, что, безусловно, является их постоянной индивидуализацией, способствующей его идентификации как виновного лица [3, 47].

Многие учёные в процессе своей научной деятельности приходили к выводу, что деиндивидуализация, ослабление чувства собственной индивидуализации [9, 227], идентифицируемости и личной ответственности приводит к значительному ослаблению сопротивляемости к совершению антисоциального действия [3, 48]. Само по себе присутствие “безликой толпы” может вынудить человека забыть о своих внутренних ценностях и нормах и, таким образом, заставить его действовать антисоциально [3, 79]. С иной стороны, религиозный человек, мысленно и чувственно ощущая постоянное присутствие высших ангельских сил и самого Божества, относится к совершаемым деяниям намного ответственнее, чем человек нерелигиозный.

В последнее время возросло количество преступлений, связанных с алкогольным опьянением и наркотической зависимостью. В этой связи следует указать,

что, согласно учению православной церкви, проповедуется принятие всяческих мер по сохранению телес своих от пагубного воздействия. Так, апостол Павел, проповедуя народу, говорил: “Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм — вы” (1 Кор. 3: 16–17) [11, 1228]. В связи с этим усматривается, что православная вера возлагает на человека ответственность за “разрушение” тела своего, предупреждая желание человека о получении мнимого удовольствия путем саморазрушения, через алкоголь, наркотики и другие пагубные вещества.

Ещё одним важным понятием в данном тезисе является самокатегоризация — процесс, суть которого в том, что человек бессознательно определяет себя как члена каких-либо групп, то есть относит себя к той или иной категории людей [12, 115]. Авторами этого понятия, а также всей теории самокатегоризации личности, являются Дж. Тернер и П. Эуокес. Основной идеей данной теории является то, что в основе межгруппового восприятия и взаимодействия лежит процесс социальной категоризации — отнесения субъектом восприятия окружающих к той или иной социальной группе. Категоризация окружающих сопровождается самокатегоризацией субъекта восприятия в одну из рассматриваемых групп. В основу теории самокатегоризации положен принцип мета-контраста, согласно которому группа объектов может быть отнесена к одной и той же категории в том случае, если различие между этими объектами меньше, чем различие между ними и другой группой объектов в рамках контекста сравнения.

Наш образ “я” зачастую зависит от характеристик тех групп, к которым мы принадлежим (Turner, Hogg, Oakes, Reicher & Wetherell. 1987). Некоторые из таких групп имеют нормы поведения, поощряющие просоциальные действия. Так, во всех величайших мировых религиях, забота и жертвенность по отношению к другим людям считаются самыми важными нравственными принципами (Schroeder et al., 1995) [3, 354]. Не является исключением и православная религия, которая ставит под сомнение вопрос спасения человеческой души только на основании одной веры, утверждая что “...вера без дел мертва...” (Иак. 2:20), и сравнивая такое состояние души с мертвенностью человеческого тела “...ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва” (Иак. 2:26). Поэтому, проповедуя любовь, жертвенность и добродетель, учение православной церкви исходит из принципа полезности духовного совершенствования как для самого верующего, так и для окружающих его людей, приводя в пример следующие слова Священного Писания: “Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: “идите с миром, грейтесь и питайтесь”, но не даст им потребного для тела: что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе” (Иак. 2:15–17) [11, 1197].

Всеобъемлющий характер христианской добродетели можно также проиллюстрировать ситуацией, сложившейся в Лос-Анджелесе в 1991 году, которая сама по себе имела типичные признаки деиндивидуализации: после принятия несправедливого решения в суде по делу жестокого избития четырьмя “белыми” полицейскими одного чернокожего, южные районы Лос-Анджелеса захлестнула волна мародёрства и беззакония. Одним из пострадавших стал “белый” водитель грузовика, которого группа темнокожих подростков вытащила из машины, оглушила и оставила лежать без сознания прямо на земле возле одного из жилых домов. Лей Джиль, темнокожая тридцативосьмилетняя женщина, жившая неподалеку и наблюдавшая за событиями, бросилась на помощь водителю грузовика, не взирая на опасность и хаос, царивший на улице, и вместе ещё с двумя “темнокожими”, которые подошли следом за ней, довезла водителя к больнице. Когда её спросили: “Что заставило её в тот день преодолеть пресловутый антагонизм и поспешить на помощь одному из “чужих”?”, она, говоря о себе и о своей семье, ответила: “Мы ведь христиане” [3, 354]. То есть Лей Джиль определила себя не как член группы

“темнокожих”, а как член группы “христиан”, что и повлияло на её выбор варианта поведения и обусловило самопожертвование ради спасения человека.

Человек, который стремится к духовному совершенствованию, определяет себя как богопослушный человек и ищет сообщество людей с подобными стремлениями, что ограждает его от возможного негативного влияния со стороны окружающих и играет важную роль препятствия воздействию на человека внешних факторов.

Непосредственное состояние духовности и нравственности человека оказывает своё влияние и на состояние его правосознания, что представляет важное значение в системе общественных отношений. Понятие правосознание можно определить как совокупность представлений, выражающих отношение людей к действующему праву, знание меры в поведении людей с точки зрения прав и обязанностей, законности и противозаконности. По словам И. А. Ильина, правосознание есть умение уважать право и закон, добровольно исполнять свои государственные обязанности и частные обязательства, строить свою жизнь, не совершая преступлений. Основу правосознания составляют чувство собственного достоинства, религиозные убеждения, совесть и внутренняя дисциплина воли, взаимное уважение и доверие граждан друг к другу, к власти, а власти — к гражданам. Право нуждается в поддержке нравственности: без постоянного взаимодействия с нравственностью правосознание имеет шаткую основу, так как хорошие нравы лучше и надежнее даже отличных законов [6, 722].

Правосознание во многом ориентируется на рационально-нравственные оценки. Между нравственностью и правом существует теснейшая связь: право в самом себе имеет и нравственный смысл. Как нравственное, так и правовое сознание — это различные грани единой-цельной духовной жизни человека и общества. Будучи связанными, нравственность и право — это вместе с тем сущностно различные формы личного и общественного сознания. Различие между ними состоит, в частности, в неограниченности чисто нравственных состояний и норм и ограниченности правовых требований. Можно определить право как “минимум нравственности”, который юридически закреплён в соответствующих законах.

Принимая то или иное жизненно важное решение, человек, если он нравственно воспитан и тем более религиозен, должен исходить не из соображений внешнего порядка (карьеры, выгоды и пр.), а исключительно из веления долга. Нравственный человек наделён чуткой совестью — удивительной способностью самоконтроля [6, 724–726].

Из всего вышесказанного следует, что высокая духовная нравственность, проповедуемая православной верой, помогает человеку регулировать своё поведение в рамках закона и предупреждает, уничтожая в “зародыше” саму мысль о совершении преступления.

Литература

1. Уголовный кодекс Украины: Научно-практический комментарий. — Отв. ред. Е. Л. Стрельцов. Издание четвёртое, переработанное и дополненное. — Х.: ООО “Одиссей”, 2007. — 872 с.
2. Шевчук В. Н. Соотношение понятий греховности и преступности: психолого-криминологические аспекты / Преступность и духовность. — М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. — С. 104–111.
3. Новейшая психологическая энциклопедия / Р. Б. Чалдини, Д. Т. Кенрик, С. Л. Нейберг. Издание второе. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. — 575 с.
4. Гуров А. Свободен ли человек? // Ключ: психология. — 2009. — Вып. № 10. — С. 3.
5. Симеон Новый Богослов, преподобный. — Творения в 3-х томах. — Изд-во “Свято-Троицкая Сергиева Лавра”, 1993. — Т. II. — 593 с.
6. Философия: Учебник / Спиркин А. Г. — М.: Гардарики, 2001. — 816 с.
7. Иннокентий, архиепископ Херсонский / Собрание сочинений. — Т. 2. — К.: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 2000. — 194 с.

8. Социальная психология / Перев. с англ. — СПб.: ЗАО “Издательство “Питер”, 1999. — 688 с., ил.
9. Психология криминального поведения / К. Бартол. Издание седьмое. — СПб.: Олма-Пресс прайм-Еврознак, 2004. — 352 с.
10. Современный словарь по психологии / Юрчук В. В. — Мн.: Современное Слово, 1998. — 768 с.
11. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / Российское Библейское Общество. — М., 1998. — 1337 с.
12. Психология малых групп: Учебное пособие / Н. И. Семечкин. — Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2004. — 116 с.

І. Є. Харченко, студент

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
кафедра кримінального права, кримінального процесу і криміналістики,
Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна

ДУХОВНО-ПСИХОЛОГІЧНИЙ МЕХАНІЗМ РЕГУЛЮВАННЯ ПОПЕРЕДЖЕННЯ ЗЛОЧИННОСТІ

РЕЗЮМЕ

Духовно-психологічний аналіз свідомої діяльності особистості людини свідчить про наявність в її підсвідомості заздалегідь сформованих рішень, якими вона керується виступаючи суб'єктом правовідносин. Позитивні рішення знаходять свій прояв у високій духовності та моральності особистості, негативні проявляються у формі деіндивідуалізації особистості та вчиненні правопорушень.

Ключові слова: гріх, деіндивідуалізація особистості, свідомість, особистість, моральність, підсвідомість, правосвідомість, злочинність.